

АРХАИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

В.Г. ФЕДОТОВА

Архаика и архаизация недостаточно изучены социальными науками, сформировавшимися в XIX в. — веке индустриализации и формирования современного общества. Науки обратились к изучению этих инноваций, не предполагая значимости и возможности архаизации в будущем. Однако будущее оказалось тесно связанным с ней.

Архаические ценности неархаических обществ

Архаические общества продолжают существовать в XX в. как общества древние, не перешедшие к традициям, основанным на мировых религиях, не имеющие государственных начал, преимущественно некоторые общества Африки и Азии. В них за время жизни одного поколения не происходит заметных изменений присущего им медленного темпа социальной эволюции. Эти общества отличаются от *традиционных*, в которых существуют естественные темпы эволюции, достаточные для того, чтобы произвести очевидные изменения в жизни нескольких поколений, сформировать устойчивые образцы культуры и морали. *Современные общества* возникают в силу модернизационных усилий, способствующих ускорению развития и изменениям в жизни одного поколения.

Однако архаическое существует в обществах любого типа — и традиционного, и современного — как остаток, рудимент прошлого опыта, черта сложившегося архетипа. Архаизации может способствовать *разруха, война, революция; демодернизация*, вытаскивающая на поверхность социальной жизни архаические, присущие ей начала; *модернизация*, предъявляющая такие требования к изменениям общества, которые расходятся с существующей в данном обществе культурой и потому не могут быть осуществлены. Так, по мнению А.С. Ахиезера, Октябрьская революция «принесла массовую архаическо-традиционалистскую реакцию на предшествующую попытку власти насильственно сдвинуть схематизм нравственности к полюсу либерализма и развитого утилитаризма», архаические практики «в ответ на вызовы времени резко, инверсионно возвращаются к прежним ценностям»¹. Великая Отечественная война в России собирала силы народа на основе не только коммунистической идеологии, но и религиозной веры, и таких архетипических черт как фатализм,

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Взаимоотношение культуры и модернизации в современных проектах и процессах развития», грант № 12-03-00564.

желание победить, коллективизм, возвращала архаические способы выживания. Попытка модернизации 1990-х имела неадекватный культуре народа характер и сорвалась в демодернизацию, в анархию и апатию, присущие России, начиная с ее архаического догосударственного периода. В традиционный период и в советское время в России культивировалось нестяжательство, мирская, а не трудовая аскеза. Перевернутая формула ценностных ориентаций была не единственной, но важной причиной, в силу которой дарованная в 1990-е свобода оказалась похожей на проект освобождения крестьян от крепостного права без земли. Общество шло к рефеодализации, к архаике и архетипу, к анархическому индивиду, который отрицал других как потенциально опасных для себя².

В условиях, когда модернизация западных стран осуществлялась по модели догоняющей Запад модернизации, архаизация противоречила ее целям. Но именно поэтому, она нередко оказывалась заместителем провозглашенных целей или способа их достижения, например, материальных успехов, путем кланово-корпоративных усилий, криминализации, путем новой революции. Архаизация имеет также региональную специфику³. Сегодня мы наблюдаем еще один поворот к архетипу Революции в российском сознании, с верой (неверием) в правителя, от которого, по мнению населения, все и зависит. Это ведет к архаике группирования, отнесения себя к кланам и группам в большей мере, чем к пониманию и трезвой оценке ситуации. Даже большинство политических телевизионных программ построено в большей мере на борьбе групп, чем на конфронтации идей.

Как показал А.С. Ахиезер, «архаизация — результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности»⁴. Однако при всей своей реакционности в указанном смысле архаические начала являются ответом людей на не достигающие их проекты и программы, которые приватизируются не менее архаически отдельными группами людей: «Важнейшее, если не главное, проявление архаизации, заключается в том, что культура, культурные программы архаичного типа, имманентные догосударственным локальным мирам, оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, большого общества. Господство архаичной культуры в большом обществе представляется

проблемой первостепенной важности для страны. Вектор архаизации нацелен на превращение архаичных программ, решений и действий в реальное массовое действие»⁵. При этом революционеры и неуспешные реформаторы не берут на себя ответственность за архаизацию, всецело приписывая ее негативным качествам народа.

Новая секуляризация не должна стать архаизацией

Главной чертой российской архаизации является незнание середины, переход из крайности в крайность, в терминах А.С. Ахиезера — инверсия, возврат назад, отрицание того, что представлялось достижением, отказ от возможности найти середину. Все это способно даже в позитивных проектах реализовать хорошую идею так, что она превратится в отрицание прежнего образа мыслей и прежних ценностей, продолжая раскачивать маятник российских трансформаций из одной стороны в другую.

Догоняющая Запад модель модернизации, которой следовали западные страны до конца XX в., проходила под знаком секуляризации, в том числе и насильственно осуществляемой революциями. Чаще всего в этом аспекте мы говорим о В.И. Ленине как антагонисте религиозного сознания и православной церкви. Он — революционер. И революционная позиция ведет его к закономерному отрицанию господствующей православной религии. Это сопровождает все революции. Нидерландской революции 1568 — 1648 гг. предшествовало в 1566 г. открытое вооруженное восстание против главного оплота испанского господства — католической церкви, в ходе которого имели место многочисленные разгромы церквей, уничтожение икон и статуй святых. 5500 монастырей и церквей было разрушено.

В Англии Генрих VIII, женатый шесть раз, менял жен-католичек на жен-протестанток в зависимости от политической ситуации. Когда надо было заручиться поддержкой Португалии, он женился на католичке из этой страны. Когда важнее было наладить отношения с английской буржуазией, он женился на протестантке. Под давлением буржуазии он начал казнить католиков и поддерживать протестантов. Суть английской буржуазной революции 1640 — 1660 гг. состояла в искоренении католичества и замене его протестантизмом. В течение 100 лет после английской буржуазной революции убивали католических монахов и существовала смертная казнь за их укрывательство. Революция умертвляла одни религиозные конфессии и воздвигала на пьедестал другие.

Великая Французская революция 1789 — 1794 гг. превратила казненного Людовика XVI в мученика веры. Французское католическое духовенство разделилось: одни присягали революции, другие — и их было большинство — сопротивлялись ей. Защищая себя, революционеры и революция обрушились на католицизм. Революционеры допу-

скали свободу совести, и сами, особенно в Парижской коммуне, были атеистами. Робеспьер же считал атеизм явлением аристократическим и боролся с ним. Революционеры полагали, что народ должен поклоняться чему-то. Новым объектом поклонения стали культ «Верховного Существа» и «Культ разума». Таким образом была предпринята попытка заменить католическую религию новыми государственными богами, изобретенными Французской революцией.

Мексиканская революция 1910–1917 гг., объединившая крестьян и интеллигенцию против засилья иностранного капитала, за развитие национальной экономики, была направлена также против диктатуры правителя и засилья церкви, преследовала католическую церковь и католических монахов. Общество было расколото, шла гражданская война. В 1917 г. была принята Мексиканская конституция, ряд статей которой был направлен против католической церкви. Например, запрещалось создавать католические политические организации и школы, духовенство лишалось избирательного права, провозглашалась свобода вероисповедания. Имущество церкви передавалось государству.

Великая Октябрьская революция 1917 г. не была исключением. По словам английского философа Бертрانا Рассела, Ленин верил в теорию Карла Маркса, как в законы Кеплера. Он считал, что опирается на научное знание. Но большевизм в революции выступил как род религии. Ленин приказал казнить попов, чтобы уменьшить реакционное давление на массы, но вместо православия он насаждал идола коммунистической религии.

1990-е были третьей российской буржуазной революцией, сметавшей веру в коммунизм и заменявшей ее верой в демократию и рынок, объединенные термином «либерализм», который его сторонники не менее, чем Ленин коммунизм, воспринимали как законы Кеплера. Это была революция, так как отрицалось все прошлое, писалось, что «иного не дано». Как и большевики, и прочие революционеры, называвшие себя либералами в «реформах» 1990-х, не признали своих ошибок ни в одном пункте именно потому, что они были революционерами, ниспровергателями прошлого. «Иного не дано» — это формула революции, а не реформ. Все это осуществляется в определенных культурных условиях, которые реформатор учитывает, а революционер нет.

Само общество и история производят ценности и разрушают их, производя новые. Есть периоды согласия по поводу базовых ценностей, кризисы ценностей и новые конвенции в отношении ценностей, которые учитывают старое и добавляют новое. Церковь преимущественно поддерживает традиционные ценности, показывает их значимость в настоящем. Она является институтом социальной помощи, поддержки людей. Кроме нее, в обществе есть другие институты

формирования и поддержания ценностей (или их разрушения) – образование, художественная литература, театр, СМИ, интеллигенция, семья и пр.

Российское государство вернуло сегодня церкви ее место и значимость, церковь благодарна государству за это и легитимизирует его власть. Но происходящая сейчас повсюду в мире десекуляризация имеет множество общих причин. Среди них глобализация, создавшая глобальный рынок, но не устранившая локальных культур и религий и их значимости для народов. Модернизации перестали быть догоняющими Запад, они стали использовать все приемлемые позитивные образцы, найденные как на Западе, так и на Востоке. Они приняли национальный характер, осуществляясь с учетом локальных культур. Модернизации происходят в координатах, задаваемых социальным, культурным, человеческим и символическим капиталами стран, осуществляющих их. Так, китайская модернизация сегодня ориентирована на такой социальный капитал, как согласие народа и его доверие к власти по поводу проекта модернизации, с помощью которого планируется достичь лидерства среди среднеразвитых стран к 2050 г., а к концу века – достойного места среди самых развитых стран. Культурный капитал предполагает почтение к пятитысячелетней китайской цивилизации, признание значимости конфуцианства. Человеческий капитал вырастает бурным ростом качественного образования, отвечающего современному уровню. А символический капитал выражается символическим значением реки Янцзы.

На базе каждой конфессии исторически сложился свой тип культуры или цивилизации. «Кровь» религий, сформировавших культуры в течение столетий и тысячелетий, течет и ныне в венах каждой культуры. Даже неверующие, даже атеисты, принадлежат к определенной культуре, исторически являясь наследниками ее религиозных источников. Русская культура сформирована православием. Сознает это человек или нет, русские, греки, сербы, румыны живут в культуре православной. Борьба за ценности в условиях их кризиса не является навязыванием религиозной веры. Как показал русский философ Н. Бердяев, духовность может быть как религиозной, так и светской. Православные ценности в нашей культуре присутствуют так же, как протестантские или католические в культуре Запада, католические – в Польше, в Латинской Америке, конфуцианские и буддистские – в Китае, ценности иудаизма – в еврейской культуре и т.д. Ортодоксальный верующий сводит культуру к ее религиозным корням, светский человек признает эти корни, давая место развитию обществ, ценностей и культур.

В ходе модернизаций, технологических революций, становления капитализма фундаментальные ценности культур, вышедших из религий, обмирщаются, рутинизируются, теряют прямую связь с

формировавшими эти культуры религиями, но все равно влияние религии существует в неявном виде, даже пройдя секуляризацию, которая сопутствует ускоренному инновационному развитию, переходу из традиционного состояния в современное. Появляются новые ценности или новые интерпретации старых ценностей — права человека, свобода совести, демократия, но и в них заложены исконные ценности христианства — свободы, справедливости. В годы бед и несчастий религиозные корни секулярной культуры выходят на поверхность. Вспомним знаменитое «Братья и сестры» — обращение к народу большевика Сталина в связи с началом Великой Отечественной войны.

После всех изменений, потрясений, перенесенных нашим народом в 1990-е, при глобализации, ускоренных трансформациях, росте гедонизма люди испытывают культурный шок. С. Хантингтон показал, что на исходе долгой эпохи биполярного мира, разделенного на капитализм и социализм, по окончании холодной войны, люди, не зная, как жить, во что верить, отпрянули к своим истокам — к своим культурам, цивилизациям, разделенным по религиозным основаниям. Повсюду в мире происходит в связи с его турбулентностью десекуляризация как попытка восстановления религиозных ценностей и святынь в качестве оснований национальных культур — в США, в Турции, в России, в Европе.

Внутренние изменения в странах и внешние изменения в мире вполне очевидны сегодня: изменения климата, нехватка ресурсов, катастрофы, кризис ценностей, кризис идентичности. В этих условиях само понимание нации, народа связывается с исконными религиозными ценностями каждой культуры, раскрывается связь культуры с религиозными корнями. Это делает не столько церковь, сколько общество в периоды своих кризисов. И Россия делает это, как и все страны. Православие становится знаком русской культуры, принадлежности к русской нации, принадлежности к России, многоконфессиональность которой совмещается с общей идентичностью народа по гражданству, по принадлежности к стране и значимости русской культуры для всех населяющих ее народов.

Вот почему выходка Пусси Райот — это оскорбление не только святынь православных верующих, но и русской культуры, религии вообще, культуры вообще, отрицание святынь вообще, ценностей вообще, своеволие. Впрочем, в этом нет ничего нового. Русский эсер, революционер, в будущем знаменитый американский социолог П. Сорокин вспоминает, как разочаровал его первый день Февральской революции в России: на площади публично совокуплялась пара, и хохотала смотрящая на это толпа. Не говоря уже о Ф.М. Достоевском, М.А. Алданов в своих романах показал, чем заплатила русская культурная элита за революционное нетерпение. Представим себе, что бы сделали с ниспровергателями святынь Пусси Райот в мечети,

как отнеслись бы к ним в синагоге, в буддийском храме, в католической церкви. В одних местах их бы проклинали, в других растерзали, в третьих арестовали, в четвертых выгнали. Будучи недавно в Китае, я спросила, что бы сделали с ними в буддийском храме. Ответ: их избили бы верующие, а полиция бы ушла, так как не захотела бы прекращать избиение. Только неграмотность этих особ позволила им сделать то, что они сделали.

При этом десекуляризация не должна пойти по пути архаического отрицания светского гуманистического сознания. Существует опасность архаического включения религиозных идей, отрицающих секулярную культуру и игнорирующих проблемы, которые возникли еще до секуляризации страны после Октября. Вот некоторые из таких возможных опасностей.

1. Обвинение в клерикализации страны, в установлении власти церкви, связанной с государством. Действительно, на этом пути может быть потерян главный признак демократии — отделение церкви от государства, нарушен принцип свободы совести, отвергнута светская культура. Атеисты оскорбительно и в целом незаслуженно могут восприниматься как бездуховные. Важно избежать этих крайностей, исходя из изложенной выше концепции религиозных корней каждой из культур. Нельзя отождествлять церковь с религией. Остается надеяться на ее критические возможности в отношении государства, общества и самой себя, ее побуждения не быть слишком архаичной, понимать наше время.

2. Многоконфессиональность. Как убедить татар, проявляющих лояльность к государству, но культурно обособляющихся, в том, что они чем-то обязаны православию? Может быть, опираясь на татаризацию ислама Татарии как связанного с российской культурой. Очень пугающая ситуация. А.И. Солженицын сказал, что Казахстан и Украина должны быть с Россией и тем самым способствовал уходу Украины, оскорбив ее, решая вопрос за нее. Не спровоцировать бы беды, конфессионального раскола. Необходимы передачи СМИ о религиях мира, о религиях России, о связи религий и культур, преподавание истории религий в школе, а не обучение религиозности. Последнее допустимо только в особых школах.

3. Модернизация, светская культура, образование и православие. Только изложенная выше концепция религии как крови культуры может не подавить, не погрузить во тьму. В моей книге «Хорошее общество» есть интервью с религиозными деятелями. Я спрашиваю: «Готовы ли Вы взглянуть на церковь как институт гражданского общества?» В ответ звучит решительное «нет». Мне кажется, что это путь архаизации.

4. Отношение православия и капитализма. В 1905 г. во время русской буржуазной революции немецкий социолог Макс Вебер на-

столько заинтересовался возможностью капитализма в России, что выучил русский язык, следил за ходом революции, переписывался с православным теологом и специалистом по хозяйственной этике России Сергием Булгаковым. Он писал Булгакову, что основа западного капитализма — трудовая аскеза. Из ответов Булгакова он пришел к выводу, что в России религиозная православная культура антикапиталистична — проповедует не трудовую, а мирскую аскезу, отрицает материальную жизнь во имя духовной. Вебер пришел к заключению о невозможности капитализма в России в связи с отсутствием экономической и духовной основы для капиталистического развития. Он посчитал, что его предпосылки возможно начинаются только с Украины. Булгаков в статье, посвященной памяти своего тестя-предпринимателя говорит о русской альтернативе как о служении предпринимателя обществу. На этом же настаивает современная социальная программа церкви. О религиозных корнях российского капитализма сегодняшняя церковь молчит, молчит о церкви и большая часть связанного с капитализмом мира. Есть союз православных предпринимателей, возглавляемый А.И. Агеевым, директором Института экономических стратегий. Важно сохранить уважение к своей и чужим культурам и их религиозным основам, понять невозможность жизни без ценностей и святынь, и это — позиция также и «нормальных» либералов, но не революционеров.

Уже веберовский капитализм, или «Весь мир становится третьим»

Термин «капитализм» в 1902 г. впервые ввел В. Зомбарт. В его представлении у капитализма есть разнообразные, в том числе даже криминальные источники. М. Вебер оспаривал это. Он считал капитализмом порожденный духом протестантской этики сбережений и труда, индивидуальной инициативы и личной ответственности, продуктивно-предпринимательский способ производства. Как определял XX век американский исследователь А. Макинтайр, «нынешний век, в его собственном представлении, является, по большей части, веберовским»⁶. Но этого не скажешь о веке XXI.

Складывающаяся в результате современность не оставалась одной и той же. Первая современность, современность XIX в., может быть названа либеральной; вторая, современность XX в. — организованной; третья может быть обозначена как новое Новое время для незападных стран⁷. Эта последняя современность подключила к модернизационным процессам и капитализму совершенно разные общества, отвергла догоняющую модель модернизации, обратилась к культурным особенностям каждого общества, передав универсальные особенности глобализации, ставшей глобальным мегатрендом, и переведя модернизацию на локальный уровень.

Антивеберовский характер нового русского капитализма⁸ поставил множество вопросов как практического, так и теоретического характера.

Возник культур-центристский подход к анализу современности. Одна из его способностей — говорить не о том, что такое современность, а о том, что чувствует человек, сталкивающийся с проблемой современности, т.е. воспринимающий ее в своей повседневности. Являясь во многом реакцией на теоретическое российское экспериментаторство сначала с марксизмом, а потом с либерализмом, появляется вопрос о самочувствии каждого, кто может ничего не знать о современности, но, вместе с тем, не может не ощущать ее требований к себе самому. Современность выступает при этом как проблематизация детрадиционализации. В ходе последней может происходить как образование новых свойств, установлений и начал жизни, так и разрушение всех начал жизни и архаизация. Поэтому, действительно, эта проблема стоит перед каждым, и не каждый, в том числе не каждое общество, может превратить детрадиционализацию в созидательный процесс⁹.

Модернизация была тем процессом, который требовал смены идентичности, изменения социальных структур в пользу создания структур цивилизованного капитализма. Она требовала слишком многого — рекультуризации, она требовала, чтобы китаец или русский в своих оценках и поведении были похожи на американца. Преодолевая проблему насильственной, навязанной модернизации, радикальные требования рекультуризации незападных стран, плюрализм модернизаций не сближает народы, а напротив, сосредотачивает их на своих проблемах, своих культурах, в которых имеется немало антагонизма по отношению к другим. Можно сказать, что классический модернизационный путь к единству человечества, к праву всемирного гражданства пока как не сложился вследствие глобализации, так и оборвался на пути модернизации, вытесняясь культурно особыми путями развития и не всегда существующей возможностью договориться, понять друг друга, чтобы избежать войны. Но надежды не иссякли.

По мере распространения капитализма, превращения его в мировую систему сформировалось множество капитализмов, отличающихся друг от друга. Если западный капитализм сохраняет некоторое единство, то автохтонные (местные) капитализмы незападных стран при наличии общих черт — отсутствии протестантской этики и нехватке рациональности, принимают культурно-специфический вид, что отражено в многочисленных пособиях западным бизнесменам о том, как делать бизнес в Китае, России, Латинской Америке и т.д. Например, неформальность российской экономики, ее переплетенность с личными, семейными и групповыми отношениями, необходимость поддержки властей любого уровня — азбучная истина для всех, кто

собирается делать бизнес в России. Различие капитализмов обусловлено: *социокультурно* — исторически сложившимися чертами народов и обществ; *антропологически* — поведением людей; *институционально* — поддержкой тех, а не иных качеств людей на уровне формирования коллективных представлений, отношений и организаций.

Так, в России *социокультурный аспект* характеризует исторически сложившееся недоверие к праведности богатства или возможности получить его честным путем — посредством труда. *Антропологический аспект* связан с доминированием в моральном сознании населения России чувства или идеи справедливости, недостижимость которой в силу обозначенных выше социокультурных условий создает ее превращенные и архаичные формы, а также ведет к отсутствию «серединной культуры», обеспечивает легкий переход из одной крайности в другую. *Институциональный аспект* состоит в организационной, правовой и моральной поддержке, а также поддержке на уровне общественного мнения тех черт капитализма, которые более всего соответствуют социальным и антропологическим характеристикам общества. Так, в России институционализирован автохтонный, во многом архаический капитализм, при котором жадность побеждает экономическую рациональность и который не одобряется значительной частью населения. При всем распространении капитализма и демократии, в разных странах они различны, и их роль в сближении человечества осуществляется в гораздо меньшей степени, чем ожидалось. Можно ли утверждать, что именно многообразие капитализмов мешает формированию единства человечества, если известно, что единство всегда достигается через многообразие, а не через сущностную одинаковость? Дело в том, что между разными капитализмами существуют противоречия, их взаимоотрицание. Они совершенно различны, хотя бы по фактору криминализации. Скажем, финский и норвежский «честные» капитализмы просто несовместимы с колумбийским капитализмом, эксплуатирующим наркобизнес, или российским спекулятивным капитализмом с его бесконечным переделом собственности.

Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как проходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И. Валлерстайн отмечает наличие центральной, полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии¹⁰. У. Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделение стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран¹¹, к которым относится и Россия. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже и в том случае, если в них осуществляется модернизация по классической модели. Дж. Несбит еще в 1984 г. в работе «Мега-

тренд. Десять новых направлений развития будущего» прогнозировал перемену отношений между Югом и Севером в сторону преобладания Юга. Если этот прогноз и сбьлся, то только в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С. Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций¹². Журнал «Тайм» несколько лет назад признал человеком века К. Ататюрка, осуществившего модернизацию в казалось бы совершенно неподходящем для этого месте — в Турции, но сегодня в Турции происходит активная десекуляризация.

Классическое понимание модернизации является предельно жестким. Оно требует взаимной увязки всех параметров, меняющихся при переходе от традиционного общества к современному. Сегодня возникает вопрос об изменении капитализма, которое отдельные исследователи признают неизбежным. А отсюда следует сценарий будущей феодализации, или превращения нового технически развитого мира в культурном отношении в третий мир, новый третий мир, но все же имеющий признаки архаизации¹³. Таким образом, управление архаизацией — это управление модернизацией и возвращением прошлого в формах, не уничтожающих настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.

² См.: Федотова В.Г. Анархия и порядок. — М., 2000. — С. 23, 26; Федотова В.Г. Хорошее общество. — М., 2005. — С. 10, 122, 226, 301.

³ См.: Ламажсаа Ч.К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. — СПб., 2010; Ламажсаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. — М., 2011.

⁴ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. — С. 89.

⁵ Там же. — С. 90.

⁶ Макинтайр А. После добродетели. — М., 2000. — С. 157.

⁷ Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 133 — 183, 228 — 250, 424 — 564.

⁸ См.: Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*. 2000. № 4.

⁹ См.: Канустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. — М., 1998.

¹⁰ См.: Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System. — Cambridge (USA), 1994.

¹¹ См.: Beck U. The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order. — Cambridge (UK), 1999; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000; Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001.

¹² См.: Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — N. Y., 1996.

¹³ Валлерстайн И. Исторический капитализм. — М., 2008. — С. 175.